

«Рассказ или Воспоминания сэра Джерома Горсея»

Этот великий князь всей России, Иван Васильевич, вырос красивым, был наделен большим умом, блестящими способностями, достойными для управления столь великой монархией; в двенадцать лет он женился на Настасии Романовой (Natacia Romanova), дочери дворянина высокого звания (gentilman of good ranck); ее брат, Микита Романович (Mekita Romanowich), сильно выдвинулся благодаря этому браку. Эта царица была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и внимательной, что ее почитали, любили и боялись все подчиненные. Он [Иван Васильевич] был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом, в результате он с помощью своих храбрых князей, священнослужителей и совета сбросил ярмо дани, тяготившей его предшественников под властью Скифского Царя Крыма (Cithian Empero of the Crumes), завоевал царство и царей Казани и Астрахани, в 2700 милях от его столицы Москвы, вниз по великой реке Волге (Volga), близ Каспийского моря, вскоре после этого покорил всех татарских князей и их земли и обратил в свое подданство многих знатных людей; это разорение до сего дня служит темами для скорбных рассказов и песен среди тех народов. Посредством этих завоеваний он приобрел могущество и славу, присоединив к своим владениям два отдельных венца и царства и [поэтому] общим советом (by a generall counsall) всех своих князей, бояр, духовенства и людей был венчан и принял титул царя, государя (Great Monnarch) и великого князя Казанского (Cazan), Астраханского (Astracan), Московского (Musco), Владимирского (Vollademeria), Новгородского (Novogorodia), Русского с длинным перечнем наименований его провинций; этот титул должны были признавать и полностью называть все послы королей, с которыми он имел сношения. Все же он не переставал воевать с крымскими татарами (Crimme Tartor), которые крайне беспокоили его и его подданных своими ежегодными вторжениями. По мере того как он мужал и росла его слава, увеличивались и его завоевания: он отнял у польского короля знаменитые города: полоцкий (Pollolskoj), смоленский (Smolenscoje), Дорогобуж (Doragabuse), Вязьму (Vazma) и многие другие, имевшие огромные богатства и бесчисленное количество людей, ставших пленными, — все это на пространстве 700 миль внутри этой земли; он покорил Белую Русь (Bella Russia) и Литву (Littuania) — земли с богатыми торговыми городами, изобилующими

многими товарами: льном, пенькой, салом, кожами, зерном и множеством скота; многие знатные из бояр, джентри (gentry) и купечества покупались, продавались и подлежали выкупам, поэтому он очень усилился, возгордился, стал могущественным, жестоким и кровавым в своих завоеваниях.

Когда его добрая супруга, царица Настасия, умерла, она была причислена к лику святых и до сего дня почитается в церквах; она оставила ему двух сыновей — Ивана и Федора. После этого он женился на одной из черкесских (Chircase) княжен, от которой, насколько известно, у него не было потомства. Обряды и празднества, сопровождавшие эту женитьбу, были столь странными и языческими, что трудно поверить, что это происходило в действительности. Поэтому я не стану повторять свидетельства их исторических сказаний (histories), а перейду к временам, известным мне самому.

Могущество царя усилилось не только в результате завоеваний царств, называемых Казань (Casan) и Астрахань (Astracan), и пленения большинства их князей и наиболее храбрых их полководцев, но также вследствие упомянутого брака, принесшего ему власть и силу этих татар, более стойких воинов, чем они сами; этих татар он использовал также для подавления и усмирения тех его князей и бояр, кто, как он полагал, был недоволен и бунтовал против него из-за его жестокостей, кровопролития, беспрестанных грабежей и казней знати. Раздувшись от честолюбия, хвастаясь, вопреки здравому смыслу, своими будущими великими завоеваниями, он выступил в поход к границам Ливонии и Швеции — пределам христианского мира с той стороны — с армией в 100 тысяч конных и 50 тысяч пеших воинов, с пушками, артиллерией, боеприпасами и со всем нужным провиантом; он предавал смерти всех мужчин, женщин и детей, попадавших ему на пути к Новгороду (Novogorode) и Пскову (Plesco) — двум большим торговым городам, объединяющим [торговлей] все восточные районы [страны] и образующим вместе с Нарвой равносторонний треугольник по отношению к заливу, на восточном побережье Балтийского моря, прежде принадлежавшем свободной Ливонии, управлявшейся как независимое государство. Там же, я имею в виду у Нарвы, царь построил сильную крепость, названную Ивангородом (Ivana-gorode); «в награду» за редкую архитектуру этой крепости он приказал выколоть глаза ее строителю[133].

Из Пскова (Vobsco) царь вступил в пределы Ливонии; послал князя Михаила Глинского (Knez Michaell Glinscoye) с артиллерией осадить ближайшую крепость Нейгауз (Newe Howse), покорил ее и взял в плен ее защитников, оставив там свой гарнизон в триста человек, которым отдал эту крепость на разграбление; затем осадил и взял другие малые города и замки на пути к Дерпту (Dorpe), большому и крепкому торговому городу, осадил и разрушил его, причем жители Дерпта сдались с белым флагом, восемь тысяч из них были уведены в плен четырмя тысячами татар, а казна и товары были взяты в царскую казну и отправлены в Новгород. Разделив свою армию на четыре колонны, царь продвигался вперед, не встречая сопротивления; он оставил десять тысяч охранять и перевозить военное снаряжение через реки и озера (ozegors), когда они окончательно замерзнут; он покорил многие крепости, города и деревни, захватил все богатство, скот, людей на своем пути к Пернову (Pernoy); Хаапсал (Hopsoll), Лиль (Loyell), Венден (Wenden), Голдингем (Golden), Митау (Mitoe) и многие другие укрепленные города, расположенные у Восточного моря, числом до 30 и в пределах двухсот миль в округе также были захвачены. Ужасны были вопли гибнувших в жестокой резне, пожарах и опустошениях; женщин и девушек, раздетых донага, несмотря на мороз, без жалости избивали, привязывали по три и по четыре к хвостам лошадей и тащили, полумертвых-полуживых, заливая кровью дороги и улицы, полные мертвых тел стариков, женщин, младенцев; среди них были и знатные люди, одетые в бархат, камку и шелк, украшенные драгоценностями, золотом и жемчугом; люди этого края — красивейший в мире народ как по своей породе, так и благодаря сухому и холодному климату страны. Бесчисленные толпы этих людей были уведены в Россию. Богатства, взятые деньгами, товарами и другими сокровищами и вывезенные из этой страны, ее городов, а также из 600 ограбленных церквей, не поддаются перечислению. Таким образом, царь и его жестокие, немилосердные татары, обшарив и ограбив эту богатую страну и ее несчастных людей, подошли наконец к столице, главному городу, именуемому Ревель (Reavell), у крепости Стейколл (Steucoll), твердыни, стоящей на высокой, скалистой горе на берегу Балтийского моря, почти против Стокгольма в Швеции. Он осадил Ревель с двадцатью тысячами человек, громил его из 20 пушек, но воины, женщины и мужчины по ночам заделывали проломы в стенах, сделанные днем, они выливали горячую и холодную воду, которая замерзала постепенно таким толстым слоем

льда, что царь после шести недель осады и двадцати тысяч пушечных выстрелов мало преуспел; с потерей шести тысяч человек он поспешил отступить и покинул город с позором. Неожиданная оттепель и наводнения лишили его большей части артиллерии, добычи и снаряжения по меньшей мере 30 тысяч человек, когда он возвращался назад; придя в ярость от своей неудачи, от потери лучшей части своей многочисленной армии, он торопился учинить столь жестокую и кровавую казнь, какой не видел свет. Он пришел в Нарву, захватил всю казну и товары, убил и ограбил мужчин, женщин и детей, отдав город на окончательное разграбление своей армии татар. После этого он пошел во Псков (Plescovia), или Вобско (Vobsco), где хотел учинить то же самое, потому что был рассержен и легко поверил тому, что эти два города и Новгород устроили заговор с целью убить его и с помощью врагов нанести поражение его армии и что благодаря этому предательству он был разбит у стен Ревеля и понес такие потери в людях и снаряжении.

Но [во Пскове] его встретил колдун или мошенник, которого они почитали как своего оракула, святой человек по имени Микула Свят (Mickula Sweat); он встретил царя смелыми проклятиями, заклинанием, руганью и угрозами, называл его кровопийцей, пожирателем христианской плоти, клялся, что царь будет поражен громом, если он или кто-нибудь из его войска коснется с преступной целью хотя бы волоса на голове последнего из детей этого города, предназначенного богом и его добрым ангелом для лучшей участи, нежели разграбление; царь должен выйти из города прежде, чем божий гнев разразится в огненной туче, которая, как он сам может убедиться, уже висит над его головой и в любую минуту может обернуться сильной мрачной бурей. Царь содрогнулся от этих слов и просил его молиться об избавлении и прощении [царю] его жестоких замыслов. Я сам видел этого мошенника или колдуна: жалкое существо, нагое зимой и летом, он выносит как сильную стужу, так и жару, совершает многие странные действия благодаря дьявольскому колдовскому отводу глаз, его боятся и почитают все, как князя, так и народ. Царь, вернувшись в Великий Новгород, где оставалась его добыча и пленные, хотел отомстить его жителям за измену и коварство, так как он был особенно разгневан на этот город за его присоединение к недовольной знати; он ворвался туда с тридцатью тысячами своих татар и десятью тысячами своей охранной стражи,

которые обесчестили всех женщин и девушек, ограбили и захватили все, что находилось в этом городе, его казну, сосуды, сокровища, убили людей, молодых и старых, подожгли их склады, хранилища товаров, воска, льна, сала, кожи, соли, вин, одежды и шелка; растопившиеся сало и воск залили стоки на улицах, смешиваясь с кровью 700 тысяч убитых мужчин, женщин, детей; мертвые тела людей и животных запрудили реку Волхов (Volca), куда они были сброшены. История не знает столь ужасной резни. Разрушенный такими действиями город был оставлен безлюдным и пустынным, а царь вернулся с армией и пленными из Ливонии в город Москву. По пути он приказал своим военачальникам и другим чиновникам (officers) выгнать из городов и деревень в округе на 50 миль людей всех сословий: дворян, крестьян, купцов, монахов, старых и молодых, с их семьями, добром и скотом и отправить их очистить и заселить разрушенный Новгород. Это было новой казнью, так как многие из них умерли от чумы, зараженные воздухом города, в который они попали; такая мера не могла пополнить население, хотя много людей разного возраста были согнаны туда из отдаленных мест.

Эта жестокость породила столь сильную всеобщую ненависть, подавленность, страх и недовольство во всем его государстве, что возникало много попыток и замыслов сокрушить этого тирана, но ему удавалось раскрывать их заговоры и измены при помощи отъявленных негодяев, которых он жаловал (inoibling) и всячески поощрял, противопоставляя главной знати (chieff nobielitie).

После того как он поделил свою добычу и разместил свое богатство и двор в Москве и в наиболее сильных, больших и надежных монастырях, он и эти его солдаты (souldiers) стали проводить все свое время в ограблении и убийстве главной знати, богатейших сановников (officers), а также лучших представителей купечества и других подданных. Его руки и сердце теперь ожесточились и очерствели, потому что были обагрены кровью многих людей, которых он подверг ужасной, позорной смерти и пыткам, — подлые и жалкие люди без искры мужества. Не доверяя преданности покоренных им татар, царь разместил их по гарнизонам в недавно завоеванных городах и крепостях Ливонии и Швеции. Боясь неповиновения внутри государства и особенно усиления своего старинного врага — Скифского Хана (Sithian Came), царя Крыма, подстрекаемого, как он обнаружил, его же [Грозного] знатью и подданными, он набрал

огромную армию из самых отдаленных своих провинций, из поляков, шведов, и собственных подданных, числом в 100 тысяч конных и 50 тысяч пеших, — как для своей собственной охраны и силы (о чем он постоянно заботился), так и для решающего сражения с Крымом, — таковы были приготовления к вторжению в его земли.

Тем временем он отдалил свою черкесскую жену, постриг ее в монахини и поместил в монастырь, а в супруги выбрал из многих Наталью (Natallia), дочь своего подданного князя Федора Булгакова (Knez Feather Bulgacove), высокого военачальника (a chieff livtennant), или воеводы (viovode), обладавшего большим доверием и опытом. Однако вскоре тому отрубили голову, а его дочь также через год была пострижена в монахини. Между тем стало известно, что его враги, крымцы (the Cryme), вышли в поле, — это была устрашающая весть для него и добрая для большинства его князей и людей, живших в рабстве и несчастьи. Бог наказал этих жалких людей, погрязших в своих вожделениях и ничтожестве, вопиющих содомских грехах; заставил их справедливо быть наказанными и терпеть тиранию столь кровавого правителя. Я бы сказал, что настал час божьей мести в поучение всем будущим поколениям князей и простых людей. Скифский царь (Sithian Emperowr), воспользовавшись моментом, вторгся в пределы России, расположившись с армией в 200 тысяч конных воинов в 50 милях вниз по течению реки Оки (Оска) лицом к лицу с армией царя Ивана Васильевича, составляющей 100 тысяч храбрых военачальников и воинов, охранявших сильные крепости и броды с помощью многочисленной артиллерии, боеприпасов, людей и оружия, а также большого количества всякого другого снаряжения. Благодаря тайным осведомителям крымцы отважились переправиться, без помех преодолев разделявшую их реку. Царское войско не осмелилось двинуться за пределы 25 миль отведенного ему пространства, и никто не мог под угрозой смертной казни нарушить эту границу, каким бы успехом это нарушение ни обернулось.

Враг, достигнув этого берега реки, не терял времени и быстро продвигался к Москве, находившейся уже в 90 милях, где царь считал себя в безопасности. Но когда враг приблизился к великому городу Москве, русский царь бежал в день Вознесения с двумя своими сыновьями, богатствами, двором, слугами и личной охраной в 20 тысяч стрельцов (gunnors) к укрепленному Троицкому монастырю

[находившемуся] в 60 милях [от Москвы][148]. Неприятель зажег высокую колокольню св. Иоанна, но в это время поднялся сильный ветер, и распространившийся огонь в течение шести часов обратил в пепел все церкви, дома, палаты, построенные почти полностью из сосны и дуба, как в городе, так и в округе на 30 миль. В этом свирепом огне сгорели и задохнулись от дыма несколько тысяч мужчин, женщин, детей; та же участь постигла и тех, кто укрылся в каменных церквях, монастырях, подвалах и погребях, лишь немногие из немногих спаслись как вне, так и внутри обнесенных стенами трех городов. Река и рвы вокруг Москвы были запружены наполнившими их тысячами людей, нагруженных золотом, серебром, драгоценностями, ожерельями, серьгами, браслетами и сокровищами и старавшихся спастись в воде, едва высунув поверх нее головы. Однако сгорело и утонуло так много тысяч людей, что реку нельзя было очистить от трупов в течение двенадцати последующих месяцев, несмотря на все предпринятые меры и усилия. Те, кто остался в живых, и люди из других городов и мест занимались каждый день поисками и вылавливанием на большом пространстве [реки] колец, драгоценностей, сосудов, мешочков с золотом и серебром. Многие таким путем обогатились. Улицы города, церкви, погреба и подвалы были до того забиты умершими и задохнувшимися, что долго потом ни один человек не мог пройти [мимо] из-за отравленного воздуха и смрада.

Крымский царь со своими войсками наблюдал этот большой пожар, удобно разместившись в прекрасном Симоновом монастыре (Symon monesterie) на берегу реки в четырех милях от города, захватив награбленное и отобрав богатство у тех, кто успел спастись бегством от пожара. Хотя пожар города принес им мало пользы, они удовлетворились этим, возвращаясь назад с пленными и с тем, что успели награбить. Им угрожала встреча с армией царя у Серпухова (Circapur), но они смогли избежать этого, переправившись через реку так же, как и пришли.

Русский царь бежал все дальше со своими сыновьями и богатством, направляясь к большому городу Вологде (Vologdae), где он считал себя в безопасности, находясь в 500 милях от врага. Сильно расстроенный и пораженный постигшим его несчастьем, он, имея среди сопровождавших митрополитов, епископов, священников,

главных князей (chieff princes) и старинную знать (aunchient nobillitie), послал за ними и созвал их на царский совет (called for and sommined to a counsall ryall), а когда враг ушел, он распустил свою армию, которая не сделала в его защиту ни одного выстрела; допрашивал, пытал, мучил многих воевод (viouods) и главных военачальников, приговорил некоторых к смерти, конфисковал их добро и землю, разорил их роды и семьи, выпустив указ об очистке, отстройке и заселении Москвы, — трудным было обсуждение всего этого.

В разгаре работы его великий враг Шигалей мурза (Chigaley Mursoye) послал ему своего посла в сопровождении других мурз (moursers), по их обычаю так называли знать, все они были на хороших конях, одеты в подпоясанные меховые одежды с черными шапками из меха, вооружены луками и стрелами и невиданными богатыми саблями на боку. К ним [мурзам] была приставлена стража, караулившая их в темных комнатах, лучшей пищей для них было вонючее конское мясо и вода, им не давали ни хлеба, ни пива, ни постелей.

Когда пришло время представить посла царю, все они подверглись еще и другим обидам и оскорблениям, но перенесли все с равнодушием и презрением. Царь принял их во всем великолепии своего величия, три венца стояли перед ним, он сидел в окружении своих князей и бояр. По его приказанию с посла сняли тулуп и шапку и надели одежду, затканную золотом, и дорогую шапку. Посол был очень доволен, его ввели к царю, но его сопровождавших оставили за железной решеткой, отделявшей их от царя. Это сильно раздражало посла, который протестовал своим резким, злобным голосом, с яростным выражением лица. Четыре стражника подвели его к царю. Тогда это безобразное существо безо всякого приветствия сказало, что его господин Шигалей, великий царь всех земель и ханств (sams), да осветит солнце его дни, послал к нему, Ивану Васильевичу, его вассалу и великому князю всея Руси, с его дозволения, узнать, как ему пришлось по душе наказание мечом, огнем и голодом, от которого он посылает ему избавление (тут посол вытащил грязный острый нож), — этим ножом пусть царь перережет себе горло. Его торопливо вытолкнули из палаты без ответа и попытались было отнять дорогую шапку и одежду, но он и его сопровождавшие боролись так ожесточенно, что этого не удалось сделать. Их отвели в то же место,

откуда привели, а царь впал в сильный приступ ярости, послал за своим духовником, рвал на себе волосы и бороду как безумный.

Начальник стражи (the chieff captaine) умолял царя приказать изрубить крымцев на куски, но ответа не последовало. Этому посла продолжали держать еще некоторое время, немного обходительнее обращались с ним, а затем царь отослал его с таким ответом: «Скажи своему господину, негодяю и неверному, что не он покарал меня, а бог и Христос за мои грехи и грехи моих людей дал ему, дьявольскому отродью, случай и силу быть исполнителем его воли и упреком мне, но с божьей помощью и волей я надеюсь отомстить и сделать его своим вассалом и подчиненным». Посол ответил, что не окажет царю услуги передать такой ответ. Поэтому царь вскоре отправил послом туда умного и благородного дворянина Афанасия Федоровича Нагого (Alfonasse Federowich Nagoie), который был задержан там и претерпел многие лишения в течение семи лет.

Царь не хотел ехать в Москву, хотя он послал собрать зажиточных купцов, ремесленников и торговцев со всех городов и мест своего государства, чтобы отстроить и заселить столицу и перенести в нее оживленную торговлю; для этого он отменил все налоги, ввел беспошлинную торговлю, затем подрядил семь тысяч каменщиков и строителей построить красивую каменную стену вокруг Москвы, что и было сделано за 4 года, стена получилась высокая и красивая, украшенная большими медными орудиями, затем он восстановил свои приказы (offices), судей (officers of justice) и управляющих чиновников (governors) — все в той форме, в какой они существовали до этого. Сам царь находился большей частью в Вологде, которая стоит на реке Двине (Dwina), и в Александровской слободе (Slobida Alexandrisca), общаясь главным образом с Элизиусом Бомелиусом (Elizius Vomelius), доктором медицины, имея определенную цель, которая позднее стала известной; царь послал в Англию за умелыми строителями, архитекторами, плотниками, столярами и каменщиками, ювелирами, медиками, аптекарями и другими мастерами, выстроил каменное казнохранилище, а также большие барки и судна, чтобы в случае необходимости отправить свою казну в Соловецкий (Sollavetska) монастырь на Северном море — прямом пути в Англию.

Обирая своих купцов, он обменивал взятые у них товары у иностранцев на одежду, шитую золотом, талеры, жемчуг, драгоценные камни и т. п., все это он постепенно присоединял к своему богатству, не платя ничего или почти ничего и получая огромные суммы от городов, монастырей, истощая их богатства высокими налогами и пошлинами. Все это разбудило против него такую ненависть, что, видя это, он размышлял, как обезопасить себя и свои владения. С намерением уничтожить все обязательства, принятые им на корону, он учредил разделение своих городов, приказов (offices) и подданных, назвав одну часть опричное (oprisnoie), другую — земское (zemscoie), провозгласил новым государем, под именем царь Симеон (Char Symion), сына казанского царя, передал ему свой титул и корону и, отделяясь от своих полномочий, короновал его, но без торжественности и без согласия своих вельмож (peers); заставил своих подданных обращаться со своими делами, прошениями и тяжбами к Симеону, под его именем выходили указы, пожалования, заявления — все это писалось под его именем и гербом. Во всех судебных делах ходатайства составлялись на его имя, также чеканились монеты, собирались подати, налоги и другие доходы на содержание его двора, стражи и слуг, он был ответствен также за все долги и дела, касавшиеся казны. Он был посажен на престол, прежний царь Иван пришел бить ему челом (prostrats himself) и приказал своим митрополитам, епископам, священникам, знати и чиновникам делать то же, что и он, а всем послам обращаться к Симеону с теми же почестями, причем некоторые послы отказались это сделать. Симеон был женат на дочери князя Ивана Федоровича Мстиславского, главного князя царской крови (prince of the blood royall).

Такой поворот дела и все изменения могли дать прежнему царю возможность отвергнуть все долги, сделанные за его царствование: патентные письма, пожалования городам, монастырям — все аннулировалось. Его духовенство, знать и простое сословие (comons) должны были теперь идти к Ивану Васильевичу с прошением смилостивиться и вновь принять венец и управление; он согласился на многочисленных условиях и достоверных договорах, подтвержденных указом парламента (by act of Parliament), с торжественным посвящением его вновь на царство. Чтобы его умилостивить, все подданные любого положения изыскивали средства на дары и подношения ему, это принесло ему огромное богатство. Он был

освобожден ото всех старых долгов и всех прошлых обязательств. Было бы слишком утомительно рассказывать о всех подробностях этой трагедии. Эта его затея легко могла бы посадить его между двух стульев, если бы продолжалась чуть дольше; его счастье, что ему удалось вновь вернуться к своему прежнему положению (*in statu quo prius*). Вновь составленные грамоты, судебные законы, пожалования монастырям, городам, отдельным лицам и купцам давали ему еще большие суммы и доходы.

В то же время он отправил свою татарскую армию под предводительством своих военачальников отвоевать, как он говорил, те города в Ливонии, которые недавно отнял у него король Стефан. Он объявил о женитьбе герцога Магнуса на дочери его брата, князя Андрея (*Knez Andrew*), послав за ним в его владение Вагу. Царь завидовал своему брату; сам живя в тиранстве и ненавидимый своими подданными, он видел, что Князь Андрей умел заслужить сердечную любовь других. Когда он предстал перед царем и пал ниц, то царь поднял его и поцеловал. Говорят, что Князь Андрей сказал ему со слезами: «О жестокий брат, это Иудин поцелуй, ведь ты не мог послать за мной для чего-нибудь доброго, так делай то, что задумал», — и с этими словами вышел. Он умер на следующий день и был похоронен у Михайлова Креста (*Micholsca crest*) со всей торжественностью. Несмотря на это, царь продолжал устраивать этот брак, так как он имел некоторое отношение к военным действиям за границей. Герцог (*Hartique*) Магнус, старший сын Христиана, герцога Голштинии, родился до того, как его отец был избран королем Дании, нынешний король Фредерик родился после, возникшая между ними яростная распря заставила Магнуса обменять свое Голштинское герцогство на остров Эзель (*Osell*) с правом на Ригу и Ревель, которое оспаривал шведский король Иоганн (*John*), а также на многие другие города и крепости в Ливонии, завоеванные русским царем. Таким образом, царь выдал свою племянницу Елену (*Llona*) за герцога Магнуса, дав в приданое за нее те города, крепости и владения в Ливонии, которые интересовали Магнуса, установив его власть там, титуловал королем (*Corcell*) Магнусом, а также дал ему сотню богато украшенных добрых лошадей, 200 тысяч рублей, что составляет 600 тысяч талеров деньгами, золотые и серебряные сосуды, утварь, драгоценные камни и украшения; богато наградил и жаловал тех, кто его сопровождал, и его слуг, послал с ним много бояр и знатных дам в

сопровождении двух тысяч конных, которым было приказано помочь королю и королеве утвердиться в своих владениях в их главном городе Дерпте в Ливонии.

Я боюсь перегрузить мое повествование всеми подробностями этого дела, поэтому оставляю окончание до более подходящего места и продолжаю свой рассказ о жизни царя. Вместо союза и дружбы с королями Дании и Швеции, которых он добивался, последовала война; они оба вместе с польским королем нанесли ему поражение; последний захватил Нарву и осадил Псков — два главнейших города на торговых путях этой части страны. Датчане и шведы также вторглись в его владения; все трое были соперниками, оспаривая обладание некоторыми территориями северного побережья: Вардэгус (Wardhowse), Кола (Colla), Соловецкий (Sollavetsca), Варзуга (Varsagae) и др. Помимо этого, они лишили его торговли и пошлин, объявили о своем намерении не пропускать английских купцов и отрицать их право на рыбную ловлю в этой части побережья и их торговлю с Россией у бухты св. Николая и в Холмогорах (Colmogor).

Царь Иван Васильевич собрал со всего государства самых красивых дочерей его бояр и дворян, девушек, и выбрал из них жену для своего старшего сына, царевича (Charwich) Ивана. Ее звали Настасьей (Natacia), она была дочерью Ивана Шереметева (Sheremiten), воеводы (a viovode) знатного рода. Широкие празднества сопровождали эту свадьбу, хотя они и стоят рассказа, но не относятся к существу нашего изложения.

Царь жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на свою жизнь, которые раскрывал каждый день, поэтому он проводил большую часть времени в допросах, пытках и казнях, приговаривая к смерти знатных военачальников и чиновников, которые были признаны участниками заговоров. Князь Иван Куракин (Knez Ivan Curaken) был найден пьяным, как рассказывали, будучи воеводой (viavode) в Вендене, далеком городе в Ливонии, когда король Стефан осадил его; [за это] он был раздет донага, брошен в телегу и засечен досмерти на торговой площади шестью проволочными кнутами, которые изрезали его спину, живот и конечности. Другой, насколько я помню, по имени Иван Обросимов (Obrossimove), старший конюх (a master of his hors), был подвешен на виселице голым за пятки, четыре палача (pallasnicks) резали его тело от головы до ног; один из них,

улав от этой долгой резни, ткнул нож чуть дальше, чтобы скорее отправить его на тот свет, но сам он за это был тотчас же взят в другое место казней, где ему отрезали руку, а так как ее не залечили как следует, он умер на другой день. Многие другие были убиты ударами в голову и сброшены в пруды и озера около Слободы (Slobida), их трупы стали добычей огромных, переросших себя щук, карпов и других рыб, покрытых таким жиром, что ничего, кроме жира, на них нельзя было разглядеть. Это место было похоже на долину Геенны или Тофета, где язычники-египтяне приносили в жертву своих детей мерзким дьяволам. Князь Борис Тулупов (Knez Borris Telupa), большой фаворит в те времена, будучи уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью, был посажен на кол, заостренный так, что, пройдя через все тело, он вышел у горла; мучаясь от ужасной боли и оставаясь живым 15 часов, князь разговаривал со своей матерью, княгиней, которую привели посмотреть на это ужасное зрелище. И она, почтенная добрая женщина, за этот же проступок была отдана на поругание сотне стрельцов (gunners). Ее раздувшееся, нагое тело было приказано отдать псарям, бросившим его голодным псам, растащившим его на куски, валявшиеся повсюду. Царь при виде этого сказал: «Кого жалуя, тех содержу в чести, а кто мне изменил, тому воздам такую же казнь». Друзья и слуги князя горько оплакивали это несчастье и перемену судьбы. Я мог бы перечислить многих из тех, кто на себе почувствовал жестокость тяжелой в гневе руки царя, однако поберегу скромность и христианское терпение моих читателей.

Царь наслаждался, купая в крови свои руки и сердце, изобретая новые пытки и мучения, приговаривая к казни тех, кто вызывал его гнев, а особенно тех из знати, кто был наиболее предан и любим его подданными. В то время он всячески противопоставлял им и поддерживал самых больших негодяев из своих военачальников, солдат, все это на деле привело к росту враждующих и завистников, не осмелившихся даже один другому доверять свои планы свержения царя (что было их главным желанием). Он видел это и знал, что его государство и личная безопасность с каждым днем становятся все менее надежными. Беспокоясь о том, как бы избежать участи своих жертв, он подробно расспрашивал Элизиуса Бомелиуса — как указано выше, лживого колдуна, получившего звание доктора медицины в Англии, искусного математика, мага и проч., — о том, сколько лет королеве Елизавете, насколько успешно могло бы быть его сватовство

к ней. И хотя он имел причины сомневаться в успехе, так как две его жены были еще живы, а кроме того, королева отказывала в сватовстве многим королям и великим князьям, однако он не терял надежды, считая себя выше других государей (princes) по личным качествам, мудрости, богатству и величию. Он решился на эту попытку; с этой целью постриг в монахини царицу, свою последнюю жену, обрекая ее жить как бы умершей для света. И, как я уже рассказывал ранее, с давнего времени имея мысль сделать Англию своим убежищем в случае необходимости, построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости — на английских кораблях.

Своего старшего сына, царевича (Charrewich) Ивана, он оставлял управлять и умирять свое беспокойное государство. С этой целью он задумал изыскать новые богатства, чтобы упрочить власть своего наследника, и теперь привел в исполнение свое давнее намерение. Он потребовал к себе главное духовенство, аббатов (abbets), архимандритов (archiemanders) и игуменов (egomens) всех наиболее влиятельных, богатых и известных монастырей и обителей всего царства, которых было великое множество, и сказал, что «им самим лучше известно то, что он хочет им сообщить. Он отдал свои лучшие годы, ум, силы и молодость борьбе за их благополучие и безопасность, охране и защите своего государства и людей; им лучше других известны все беды и опасности, через которые он прошел. Им одним он поверяет свою мольбу, потому что они одни пожинали его плоды. В результате его богатства истощились, а их увеличились, упрочив их безопасность и спокойствие, он не жалел свои, ежедневно подвергая себя опасности со стороны врагов и бунтарей как у себя дома, так и за границами государства, о чем они, как он чувствует, знают слишком хорошо. Как могут он и они сами существовать далее без взаимной необходимой поддержки? Их готовность должна стать пробным камнем, испытанием их верности так же, как и их добрая воля, которая будет доказана ненужностью принуждения. Их уповающие молитвы не доходят [к богу] или из-за их беззаконий, или из-за грехов его и его людей, или по этим обеим причинам, — он оставляет это для решения богу. Теперь же он ожидает от их благочестивых помыслов и деяний, что они уделят ему часть своих нечестных богатств. Этой жертвы от

них требует крайняя нужда, бедственное положение, в котором находится и он и народ. Принести ее для спасения их душ и искупления их грехов повелевают им души их заступников и жертвователей, святых угодников и чудотворцев. Итак, пусть приготовят они свои благочестивые решения, не лжемудрствуя и не пытаясь ему отказать».

Высокий областной собор (A hie and provinciall convocation) был созван в великой консистории св. Духа; присяга на верность была принесена в городе Москве. Некоторые боялись, что он потребует у них все; после долгих обсуждений и совещаний они подробно изложили свои рассуждения в грамоте (in the originall), представленной на царское рассмотрение. Царь имел наушников, державших его в известности обо всем происходившем. Он медлил с ответом, метал угрозы, которые доносились лазутчиками до совещающихся. Наконец, он призвал 40 наиболее значительных и назойливых духовных особ и сказал им, что они слишком долго размышляют над этим: «Мы знаем из ваших обсуждений и решений, что вы — главные из порочных единомышленников. Кроткая мольба расстроенного государства и жалкое положение моих людей, а также плохое состояние моих дел не могли ни тронуть вас, ни возбудить в вас сочувствие. Чем воздадим вам за ваши „жертвы“? Знатные люди и простой народ стонут от поборов, которыми вы поддерживаете свое сословие; вы захватили все богатства, вы торгуете всеми товарами, выторговывая себе доходы из предприятий других людей, имея привилегию не платить ни налоги в казну, ни пожертвования на войну, вы запугиваете благороднейших, лучших и состоятельнейших из наших подданных, принуждая их отдавать вам свои имения за спасение души; вы получили, по достоверным подсчетам, третью часть всех городов, аренд, деревень нашего государства своим колдовством и уговорами. Вы покупаете и продаете дух и плоть наших людей. Вы живете праздной жизнью в удовольствиях и лакомствах, совершая самые ужасные прегрешения, вымогая деньги, пользуясь взяточничеством и лихоимством свыше возможного. Вы погрязли во всех вопиющих грехах, обжорстве, праздности, содомском грехе, худшем из худших, с животными. Скорее всего, ваши молитвы не приносят пользы ни мне, ни моим подчиненным. Мы в большом ответе перед богом за то, что сохраняем вам жизнь, смерть гораздо более вас достойна, бог да простит мне мое к вам пристрастие. Разве

не старался недавно папа настоятельными представлениями своего нунция убедить нас отдать вас в его власть, а ваши должности, привилегии и доходы — в его распоряжение? Разве не упрашивала нас неоднократно греческая церковь через патриарха Александрийского отменить вашу митрополию? Именно так, и всякий раз я пытался, по справедливости, уничтожить ваше сословие, чтобы восстановить тысячи моих обедневших знатных родов (*nobillitie*), предкам которых вы обязаны большинством своих доходов, принадлежавших, по справедливости, только им, ибо они жертвовали своими жизнями, почестями и средствами, сохраняя вашу безопасность и богатства. Мой богатый народ обеднел из-за вашей алчности и дьявольских искушений, уничтожение такого порядка восстановило бы цветущее положение государства, чему хорошим примером храбрый король Англии Генрих VIII. Кроме хранящихся у вас сокровищ одних ваших доходов более чем достаточно на ваш расточительный и роскошный образ жизни. Оттого беднеют моя знать и мои слуги, истощается казна, тогда как бесчисленные сокровища — как схороненный талант, не употребленный на дела благочестия, — вы же говорите, что они принадлежат не вам, а святым угодникам и чудотворцам. Именами духов ваших покровителей и жертвователей заклинаю вас и приказываю: в назначенный день вы принесете нам точный и правдивый список тех богатств и ежегодных доходов, которыми обладает каждая из ваших обителей, иначе все вы будете карой и праведным наказанием божьим преданы свирепым диким зверям, которые совершат над вами казнь, более лютую и свирепую, чем смерть, постигшая лживых Анания и Сапфиру. Необходимость делает непростительной какую-либо отсрочку или исключение. К тому времени мы созовем парламент или царский совет (*a parliament or counsaill royal*) из всех наших князей и бояр, митрополитов, епископов, священников, архимандритов и игуменов, чтобы они не только рассудили по правоте душевной, насколько необходимо в настоящий момент большое количество средств на защиту государства от короля и князей Польши и Ливонии, от короля Дании, объединившихся с нашими мятежниками, сносившимися с Крымом, но также видели и слышали наше выполнение долга перед богом и его ангелами и чтобы их именем и именем бедствующего народа помочь всем несчастьям и спасти всех, за кого мы вынуждены так усиленно просить, и хотя положение государства бедственно, но от вас зависит его спасти вовремя, на что мы уповаем и во что верим».

... Крымские татары, не знавшие до того ружей и пистолей, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: «„Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метаящими „паффами““». Это очень развеселило царя. Позднее они получили пожалования и земли, на которых им разрешалось поселиться, женились на прекрасных ливонских женщинах, обзавелись семьями и жили в милости у государя и его людей. О, как я был рад, что царь не обратил внимания на тех немногих англичан, оказавшихся среди этих пленных! Это могло бы стоить мне жизни, так как я был хорошо известен при дворе, а царь имел бы повод захватить товары английских купцов, которых было в его государстве по крайней мере на 100 тысяч марок стерлингов. Незадолго перед этим король продал главному агенту Компании Томасу Гловеру в жены пленницу из Полоцка, происходившую из благородного польского рода Басмановых (of a noble howse in Polland, Wasmanovey), за десять тысяч золотых венгерских дукатов, но вскоре после того он попал в опалу, у него отобрали товаров на 16 тысяч фунтов, главным образом сукна, шелка, воска, мехов и других товаров, и выслали его с любезной женой нищими из страны. Но оставим этот и другие примеры его [царя] действий и вернемся к нашему рассказу.

Царь ожидал ответа на свои письма из Англии и сообщения от Даниила Сильвестра, когда богу стало угодно проявить свою волю. Сильвестр прибыл с письмами королевы к гавани св. Николая, затем в Холмогоры (Collmogorod), где он готовился и снаряжался на царскую аудиенцию, портной принес ему новый желтый атласный жакет, или зипун (jackett or jerone), в верхнюю комнату на Английский двор, и едва портной успел спуститься вниз, как влетела шаровая молния и убила Сильвестра насмерть, проникнув по правой стороне тела внутрь его нового костюма и пронзив его до ворота. Молния убила также его мальчика и собаку, находившихся здесь же, мебель, письма, дом — все сгорело дотла. Царь был сильно поражен, узнав об этом, и сказал: „Да будет воля божья!«. Однако разгневался и был расстроен: его враги — поляки, шведы и крымцы — с трех сторон напали на его страну, король Стефан Баторий угрожал ему, что скоро посетит его в городе Москве. Он быстро приготовился, но недоставало пороха, свинца, селитры и серы, он не знал, откуда их получить, так как Нарва была закрыта, оставалась только Англия. Трудность заключалась в том, как доставить его письма королеве, ведь его владения были окружены и все проходы закрыты. [Он] послал за мной и сказал, что окажет мне

честь, доверив значительное и секретное послание к ее величеству королеве Англии, ибо он слышал, что я умею говорить по-русски, польски и по-голландски. [Он] задал мне много разных вопросов и был доволен моими быстрыми ответами; спросил меня, видел ли я его большие корабли и барки (barcks) у Вологды. Я сказал, что видел.

— Какой изменник тебе их показал?

— Слава их такова, что люди стекались посмотреть на них в праздник, и я с толпой пришел полюбоваться на их странные украшения и необыкновенные размеры.

— А что означают твои слова „странные украшения“?

— Я говорю о тех скульптурах львов, драконов, орлов, слонов и единорогов, которые так искусно сделаны, богато разукрашены золотом, серебром и диковинными цветами и прочим.

— Хитрый малый, хвалит искусство своих же соотечественников, — сказал царь стоявшему рядом любимцу. — Все правильно, ты, кажется, успел хорошо их рассмотреть; сколько их?

— Ваше величество, я видел около двадцати.

— Скоро ты увидишь их сорок, не хуже, чем те. Я доволен тобой. Ты можешь, не сомневаясь, рассказать многое об этом в чужих краях, но ты изумился бы еще больше, узнав, какие бесценные сокровища украшают их внутри. Говорят, королева, моя сестра, имеет лучший флот в мире?

— Это так, ваше величество.

— Какова разница с моим?

— [Ее корабли] обладают силой и мощностью, с которой они пробиваются через великий океан и бурные моря.

— Как они устроены?

— Искусно, они острокилевые, не плоскодонные и их обшивка настолько толста, что ее невозможно пробить пушечным выстрелом.

— Что еще?

— Каждый корабль снабжен пушкой и имеет сорок медных орудий большого калибра, ядра, ружья и порох, цепные ядра, копья и оружие для защиты, зажигательные факелы, огневые снаряды (stanchions for fights), [экипаж состоит из] тысячи моряков и солдат с капитанами и всякими начальниками для несения службы и управления кораблем; заведена строгая дисциплина и ежедневно отправляется богослужение; корабли снабжены всеми необходимыми продуктами: есть пиво, хлеб, говядина, рыба, свинина, горох, масло, сыр, уксус, овсяная мука, водка, топливо, вода и другие припасы; имеются также снасти, такелаж, мачты, пять-шесть больших развернутых парусов, флаги, драгоценные шелковые хоругви, украшенные вензелем и гербом королевы, их всегда приветствуют корабли других стран; также барабаны, трубы, бубны, свистки и другие инструменты для военных сигналов и знаков неприятелю. Этот флот в состоянии атаковать и принять бой с самыми сильными морскими городами и укреплениями, какие только есть, а для союзников ее величества они — сильные и верные в помощи в охране. Таковы, ваше величество, вид и устройство любого из победоносных кораблей королевского флота ее величества.

Я имел смелость и набрался духу дать [царю] столь длинное описание потому, что он часто кивал головой, поглядывая на стоявших рядом приближенных, не выражая, впрочем, какого-либо одобрения или восхищения.

— Сколько же у королевы таких кораблей, как ты описал?

— Сорок, ваше величество.

— Это хороший королевский флот, как ты его назвал. Он может доставить к союзнику сорок тысяч воинов.

Затем царь велел мне хранить все в секрете, ежедневно быть наготове, пока будет сделано необходимое для моего отъезда. Он

приказал своему тайному секретарю Елизару Вылузгину (secreat secreatarie Elizar Willusgen) составить с моих слов описание королевского флота, ему я подарил искусно сделанный кораблик, оснащенный всеми развернутыми парусами и всеми положенными снастями, подаренный мне м-ром Джоном Чаппелем из Любека и Лондона.

В это время царь был сильно озабочен разбирательством измены Элизиуса Бомелиуса, епископа Новгородского и некоторых других, выданных их слугами. Их мучили на дыбе, то есть пыткой (rudkie or raske), им было предъявлено обвинение в сношениях письмами, написанными шифром по-латыни и по-гречески, с королями Польши и Швеции, причем письма эти были отправлены тремя путями. Епископ признал все под пыткой. Бомелиус все отрицал, надеясь, что что-то переменится к лучшему с помощью некоторых его доброжелателей, фаворитов царя (the kunge), посланных посетить царевича Ивана, занятого пыткой Бомелиуса. Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал. Царь прислал сказать, что его зажарят живьем. Его сняли с дыбы (rudkie) и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и провезли через Кремль (castell). Я находился среди многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя бога; затем его бросили в темницу, где он и умер. Он жил в большой милости у царя и в пышности. Искусный математик, он был порочным человеком, виновником многих несчастий. Большинство бояр были рады его падению, так как он знал о них слишком много. Обучался он в Кембридже, но родился в Везеле, в Вестфалии, куда и пересылал через Англию большие богатства, скопленные в России. Он был всегда врагом англичан. Он обманул царя уверениями, что королева Англии молода и что для него вполне возможно на ней жениться; теперь царь потерял эту надежду. Однако он слышал об одной молодой леди при дворе королевского рода по имени леди Мэри Гастингс, о которой мы расскажем позднее.

Епископ Новгородский был обвинен в измене и в чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям

Польши и Швеции, в мужеложстве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и в других отвратительных преступлениях. Все его многочисленное добро, лошади, деньги, сокровища были взяты в царскую казну. Его заключили пожизненно в тюрьму, он жил в темнице на хлебе и воде с железами на шее и ногах; занимался писанием картин и образов, изготовлением гребней и седел. Одиннадцать из его доверенных слуг были повешены на воротах его дворца в Москве, а его ведьмы были позорно четвертованы и сожжены.

Наконец, царь не пожелал больше разбираться между сообщниками этой измены, он окончил дело увещаниями и объявил свое желание женить второго своего сына, царевича Федора (Chariwich Feodor), так как его старший сын не имел потомства. Хотя это обстоятельство было очень важным и требовало его обсуждения с князьями и духовенством, поскольку царевич был прост умом, однако он все сделал, как ему было угодно. Когда же все они собрались вместе, он не мог не высказать им своего возмущения против их изменничества: „О, неверные и вероломные слуги! Этот день мы должны вдвойне отметить, как день Вознесения Спасителя и как печальную годовщину недавней гибели стольких сотен тысяч невинных душ, чьи имена огненными письменами изобличают вашу измену, жертвой которой они стали. Что сможет обличить перед грядущими поколениями все бедствие и скорбь этого дня? Какое право на забвение может изгладить память об этом гнусном злодеянии и измене? Какое средство смоет пятна его скверны и грязи? Какой огонь может истребить воспоминания об этих предательствах, невинных жертвах и пагубных заговорах?“ — и проч. В течение трех часов он распространялся на эту тему в таком же стиле, с большим красноречием, употребляя наиболее сильные выражения и фразы, имея в виду многих присутствующих сторонников последнего заговора; обещал оставить их нищими, бесправными и несчастными людьми для упрека всем другим народам.

„Враги объединились, чтобы уничтожить нас, бог и его блаженные святые на небесах разгневались на нас, об этом свидетельствуют неурожай и голод, кара от бога, который не пробудил в вас никакими наказаниями покаяние и стремление к исправлению“.

Оригинал (originall) слишком длинен для цитирования. Мало было

сказано в ответ, еще меньше сделано на этом собрании (assemblée), но все преклонили колени пред его величеством, предав себя его милосердию, моля бога благословить его святые дела и намерение женить его благородного сына, царевича Федора (prince Charowich Feodor). Царь выбрал ему прекрасную молодую девицу из известной и высокопоставленной семьи, богатой и наиболее ему преданной, дочь Федора Ивановича Годунова (Feodor Ivanowich Goddonove) Ирину (Irinea). Затем после торжественных празднеств царь отпустил всех бояр и священников с добрым словом и более ласковым обращением, что указывало на общее примирение и забвение всего дурного.

Когда письма и указы царя были готовы, он и Савелий Фролов (Savelle Frolove), главный государственный секретарь (chief secretarie of estate), спрятали их в тайном дне деревянной фляги, стоившей не более 3 пенсов, полной водки, подвесили ее под гриву моей лошади, меня снабдили четырьмястами венгерских золотых дукатов, которые зашили в обувь и мое старое платье.

„Я не стану рассказывать тебе секретные сведения, потому что ты должен проходить страны, воюющие с нами, — сказал царь, — если ты попадешь в руки наших врагов, они могут заставить тебя выдать тайну. То, что нужно передать королеве, моей любезной сестре, содержится во фляге, и, когда ты прибудешь в безопасное место, ее можно будет открыть. Теперь и всегда оставайся верным и честным, а моей наградой будет добро тебе и почет“. Я пал ниц, поклонился в ноги, на душе у меня было беспокойно — предстояли неизбежные опасности и беды.

... Прибыв в бухту св. Николая, я отправился на почтовых от Ваги и прибыл в Александровскую слободу, где я представил царю письма королевы и ее секретное поручение. Царь похвалил мою быстроту и деловитость, назначил мне содержание и обещал великую милость по возвращении в Москву. Там он взял в казну привезенные товары: медь, свинец, порох, селитру, серу и все остальное — ценой в девять тысяч [ливров?] и заплатил за них чистой монетой.

Его величество прибыл в Москву [из Александровской слободы], обрушил свое недовольство на некоторых своих знатных и наместников (governors). Выбрав одного из своих разбойников, он послал с ним две сотни стрельцов грабить Никиту Романовича (Mekita

Romanowich), нашего соседа, брата доброй царицы Настасий, его первой жены; забрал у него все вооружение, лошадь, утварь и товары ценой на 40 тыс. фунтов, захватил его земли, оставив его самого и его близких в таком плачевном и трудном положении, что на следующий день [Никита Романович] послал к нам на Английское подворье, чтобы дали ему низкосортной шерсти сшить одежду, чтобы прикрыть наготу свою и своих детей, а также просить у нас какую-нибудь помощь. Другое орудие зла — Семена Нагого (Symon Nagoie) — царь послал разорить Андрея Щелкалова (Shalkan)[214] — важного чиновника и взяточника, который прогнал свою молодую красивую жену, развелся с ней, изрезал и изранил ее обнаженную спину своим мечом. Нагой убил его верного слугу Ивана Лотыша (Lottish) и выколол из пяток у Андрея Щелкалова пять тысяч рублей. В это время царь разгневался на приведенных из Нарвы и Дерпта голландских (Duches) или ливонских купцов и дворян высокого происхождения, которых он расселил с семьями под Москвой и дал свободу вероисповедания, позволил открыть свою церковь. Он послал к ним ночью тысячу стрельцов, чтобы ограбить и разорить их; с них сорвали одежды, варварски обесчестили всех женщин, молодых и старых, угнали с собой наиболее юных и красивых дев на удовлетворение своих преступных похотей. Некоторые из этих людей спаслись, укрывшись на Английском подворье, где им дали укрытие, одежду и помощь, рискуя обратить на себя царский гнев.

Да! Бог не оставил безнаказанной эту жестокость и варварство. Вскоре после того царь разъярился на своего старшего сына, царевича Ивана, за его сострадание к этим забитым бедным христианам, а также за то, что он приказал чиновнику дать разрешение какому-то дворянину на 5 или 6 ямских лошадей, послав его по своим делам без царского ведома. Кроме того, царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, ибо его подданные, как он думал, больше него любили царевича. В порыве гнева он дал ему пощечину (метнул в него копьем), царевич болезненно воспринял это, заболел горячкой и умер через три дня. Царь в исступлении рвал на себе волосы и бороду, стонал и скорбя о потере своего сына. Однако государство понесло еще большую потерю: надежду на благополучие мудрого, мягкого и достойного царевича (the prince), соединявшего воинскую доблесть с привлекательной внешностью, двадцати трех лет от роду, любимого и оплакиваемого всеми. Его похоронили в церкви св. Михаила Архангела (Michaela Sweat Archangle), украсив его тело драгоценными

камнями, жемчугом ценой в 50 тыс. фунтов. Двенадцать граждан назначались каждую ночь стеречь его тело и сокровища, предназначенные в дар святым Иоанну и Михаилу Архангелу. Теперь царь более чем когда-либо был озабочен отправкой в Англию посольства для переговоров о давно задуманном браке. Оно было поручено Федору Писемскому (Feother Pissempskoie), благородному, умному и верному ему дворянину, который должен был совещаться с королевой и просить у нее руки леди Мэри Гастингс, дочери лорда Генри, пэра Гантингтона. Царь слышал об этой леди, что она доводится родственницей королеве и, как он выразился, принадлежит к королевской крови. Послам было приказано просить ее величество прислать для переговоров об этом достойного посла. Посольство царя отправилось в путь. Сев на корабль у [бухты] св. Николая, они прибыли в Англию, где их приняли с почетом, имели прием у королевы, где представили свои верительные грамоты. [Королева] приказала предоставить им возможность увидеть леди, которая в сопровождении назначенного числа знатных дам и девушек, а также молодых придворных явилась перед послом в саду Йоркского дворца. У нее был величественный вид. Посол в сопровождении свиты из знати и других лиц был приведен к ней, поклонился, пал ниц к ее ногам, затем поднялся, отбежал назад, не поворачиваясь спиной, что очень удивило ее и всех ее спутников. Потом он сказал через переводчика, что для него достаточно лишь взглянуть на этого ангела, который, он надеется, станет супругой его господина, он хвалил ее ангельскую наружность, сложение и необыкновенную красоту. Впоследствии ее близкие друзья при дворе прозвали ее царицей Московии. В посланники ее величества к царю был назначен сэр Уильям Рассел, третий сын пэра Бедфорда, умный и благородный джентльмен. Но его друзья, после серьезного обсуждения этого назначения, отговорили его. Тогда Компания купцов выпросила это назначение для сэра Джерома Бауса (Jerom Bowes), который и был хорошо снаряжен за счет Компании. Впоследствии общество расплатилось за свои хлопоты, так как этот посол не имел никаких других достоинств, кроме представительной внешности.

Оба посланника — королевы и царя, — получив отпуск и письма, были отправлены на хороших кораблях и благополучно прибыли в бухту св. Николая. Русский посол отправился сушей и [вскоре] вручил царю свои письма и посольский отчет, которые были с радостью

приняты. Сэр Джером Баус на купеческих судах пустился медленно вверх по реке Двине за тысячу миль к Вологде. Царь послал ему пристава (pencioner) Михаила Протопопова (Michaell Preterpora), чтобы он встретил его, приготовил для посланника провизию, подводы и лошадей на всем пути для него, его спутников и обоза. В Ярославле (Yeraslaue) его встретил другой слуга царской конюшни (equirrie of the stable) с двумя прекрасными иноходцами на тот случай, если посол захочет ехать верхом. У самой Москвы он был с большим почетом встречен Князем Иваном Сицким (a duke, Knez Ivan Sietzcoie) с 300 хорошо снаряженными верховыми, которые сопровождали сэра Бауса до места его поселения. Царский дьяк (kings secretarie) Савелий Фролов (Savella Frollove) был послан царем поздравить посла с благополучным прибытием, неся ему на ужин множество мясных блюд и обещая хорошее содержание. На следующий день царь прислал боярина Игнатия Татищева (Ignatie Tatishove) навестить сэра Джерома Бауса и узнать, как он чувствует себя, не нуждается ли в чем, а также сказать, что если он не слишком устал от дороги, то может быть принят через два дня, в следующую субботу, поскольку царь очень ждет встречи с ним. Баус отвечал, что надеется, что сможет представиться его величеству.

Как было назначено, около 9 часов в этот день улицы заполнились народом и тысяча стрельцов, в красных, желтых и голубых одеждах, выстроены в ряды своими военачальниками, верхом с блестящими самопалами и пищалями в руках, стояли на всем пути от его двери до дворца царя. Князь Иван Сицкий в богатом наряде, верхом на прекрасной лошади, богато убранной и украшенной, выехал в сопровождении 300 всадников из дворян, перед ним вели прекрасного жеребца, также богато убранного, предназначенного для посла. Но он, недовольный тем, что его конь хуже, чем у князя, отказался ехать верхом и отправился пешком, сопровождаемый своими слугами, одетыми в ливреи из стамета, хорошо сидевшие на них. Каждый из слуг нес один из подарков, состоявших в основном из блюд (plate). У дворца их встретил другой князь, который сказал, что царь ждет его; Баус отвечал, что он идет так быстро, как может. По дороге народ, отчасти угадав цель посольства, которая была всем неприятна, кричал ему в насмешку: „Карлик!“ (carluke), что означает „журавлиные ноги“. Переходы, крыльцо и комнаты, через которые вели Бауса, были заполнены купцами и дворянами в золототканых одеждах. В палату, где сидел царь, вначале вошли слуги посла с

подарками и разместились по одну сторону. Царь сидел в полном своем величии, в богатой одежде, перед ним находились три его короны, по обе стороны царя стояли четверо молодых слуг из знати, называемых „рынды“ (rindeys), в блестящих кафтанах из серебряной парчи с четырьмя серебряными топориками. Наследник (the prince) и другие великие князья и прочие знатнейшие из вельмож (nobliest of rancke) сидели вокруг него. Царь встал, посол сделал свои поклоны, произнес речь, предъявил письма королевы. Принимая их, царь снял свою шапку, осведомился о здоровье своей сестры королевы Елизаветы. Посол отвечал, затем сел на указанное ему место, покрытое ковром. После короткой паузы, во время которой они присматривались друг к другу, он был отпущен в том же порядке, как и пришел. Вслед за ним был послан дворянин высокого звания (gentleman of quallitie), доставивший ему к обеду две сотни мясных блюд; сдав их и получив награду, он оставил сэра Джерома Бауса за трапезой.

Если я и далее буду так подробно описывать ход дела, и без того продолжительного, это займет у меня слишком много времени; состоялось несколько секретных и несколько торжественных встреч и бесед. Король (the Kinge) чествовал посла; большие пожалования делались ему ежедневно продовольствием; все ему позволялось, но, однако, ничто его не удовлетворяло, и это вызывало большое недовольство. Между тем было достигнуто согласие относительно счетов между чиновниками царя и Компанией купцов; все их жалобы были услышаны, обиды возмещены, им были пожалованы привилегии и подарки, и царь принял решение отправить к королеве одного из своих бояр послом. Если бы сэр Джером Баус знал меру и умел воспользоваться моментом, король (Kinge), захваченный сильным стремлением к своей цели, пошел бы навстречу всему, что бы ни было предложено, даже обещал, если эта его женитьба с родственницей королевы устроится, закрепить за ее потомством наследование короны. Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых (the Godonoves), были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения. Царь, в гневе не зная на что решиться, приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний, привезти их из того места, где их больше всего, между

Холмогорами (Collonogorod) и Лапландией (Lappia). Шестьдесят из них были доставлены в Москву, размещены под стражей. Ежедневно им приносили пищу и ежедневно их посещал царский любимец Богдан Бельский (Bodan Belskoie) — единственный, кому царь доверял узнавать и доносить ему их ворожбу или предсказания о том, что он хотел знать. Этот его любимец, утомившись от дьявольских поступков тирана, от его злодейств и от злорадных замыслов этого Гелиогабалуса, негодовал на царя, который был занят теперь лишь оборотами солнца. Чародейки оповестили его, что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, они предрекают его кончину в определенный день; но Бельский не осмелился сказать царю так; царь, узнав, впал в ярость и сказал, что очень похоже, что в этот день все они будут сожжены. У царя начали страшно распухать половые органы — признак того, что он грешил непрерывно в течение пятидесяти лет; он сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни.

Каждый день царя выносили в его сокровищницу. Однажды царевич сделал мне знак следовать туда же. Я стоял среди других придворных и слышал, как он рассказывал о некоторых драгоценных камнях, описывая стоявшим вокруг него царевичу и боярам достоинства таких-то и таких-то камней. И я прошу позволения сделать небольшое отступление, изложив это для моей собственной памяти.

„Магнит, как вы все знаете, имеет великое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю (the world), и без которого невозможно узнать ни стороны, ни пределы света (of the earth). Гроб персидского пророка Магомета висит над землей в их рапате (Rapatta) в Дербенте“. Он приказал слугам принести цепочку булавок и, притрагиваясь к ним магнитом, подвесил их одну на другую.

„Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку, их природный цвет ярок; а теперь положите их на мою руку. Я отравлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога, с великолепными алмазами, рубинами,

сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, большой стоимости; жезл этот стоил мне 70 тысяч марок, когда я купил его у Давида Говера (David Gower), доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков“. Он приказал своему лекарю (phiziccians) Иоанну Ейлофу (Johannes Poff) обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подышали.

„Слишком поздно, он не уберезет теперь меня. Взгляните на эти драгоценные камни. Этот алмаз — самый дорогой из всех и редкостный по происхождению. Я никогда не пленялся им, он укрощает гнев и сластолюбие и сохраняет воздержание и целомудрие; маленькая его частица, стертая в порошок, может отравить в питье не только человека, но даже лошадь“. Затем он указал на рубин.

„О! Этот наиболее пригоден для сердца, мозга, силы и памяти человека, очищает сгущенную и испорченную кровь“. Затем он указал на изумруд.

„Этот произошел от радуги, он враг нечистоты. Испытайте его; если мужчина и женщина соединены вожделением, то он растрескается. Я особенно люблю сапфир, он сохраняет и усиливает мужество, веселит сердце, приятен всем жизненным чувствам, полезен в высшей степени для глаз, очищает их, удаляет приливы крови к ним, укрепляет мускулы и нервы“. Затем он взял оникс в руку.

„Все эти камни — чудесные дары божьи, они таинственны по происхождению, но однако раскрываются для того, чтоб человек ими пользовался и созерцал; они друзья красоты и добродетели и враги порока. Мне плохо, унесите меня отсюда до другого раза“.

В полдень он пересмотрел свое завещание, не думая, впрочем, о смерти, так как его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал главному из своих аптекарей и врачей приготовить все необходимое для его развлечения и бани. Желая узнать о предзнаменовании созвездий, он вновь послал к колдуньям своего любимца, тот пришел к ним и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии как никогда.

„Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится только когда сядет солнце“. Вельский поспешил к царю, который готовился к бане. Около третьего часа дня царь пошел в нее, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать, вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, посадили на постель, он позвал Родиона Биркина (Rodovone Voerken), дворянина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова (Boris Fedorowich Goddopove), а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел (faints) и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие — в аптеку за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями. Тем временем он был удушен (he was strangled) и окоченел. Некоторая надежда была подана, чтобы остановить панику. Упомянутые Богдан Вельский и Борис Федорович, который по завещанию царя был первым из четырех бояр и как брат царицы, жены теперешнего царя Федора Ивановича, вышли на крыльцо в сопровождении своих родственников и приближенных, их вдруг появилось такое великое множество, что было странно это видеть. Приказали начальникам стражи и стрельцам зорко охранять ворота дворца, держа наготове оружие, и зажечь фитили. Ворота Кремля закрылись и хорошо охранялись. Я, со своей стороны, предложил людей, военные припасы в распоряжение князя-правителя (the prince protector). Он принял меня в число своих близких и слуг, прошел мимо, ласково взглянув, и сказал: „Будь верен мне и ничего не бойся“.

Митрополиты, епископы и другая знать стекались в Кремль, отмечая как бы дату своего освобождения. Это были те, кто первыми на святом писании и на кресте хотели принять присягу и поклясться в верности новому царю, Федору Ивановичу. Удивительно много успели сделать за шесть или семь часов: казна была вся опечатана и новые чиновники прибавились к тем, кто уже служил этой семье. Двенадцать тысяч стрельцов и военачальников образовали отряд для охраны стен великого города Москвы; стража была дана и мне для охраны Английского подворья. Посол, сэр Джером Баус, дрожал, ежечасно ожидая смерти и конфискации имущества; его ворота, окна и слуги были заперты, он был лишен всего того изобилия, которое ему доставалось ранее. Борис Федорович — теперь лорд-правитель (lord

protector); и три других главных боярина (chieff boaiers) вместе с ним составили правительство, по воле старого царя: князь Иван Мстиславский (Misthisloskie), князь Иван Васильевич Шуйский (Syskoie) и Микита Романович. Они начали управлять и распоряжаться всеми делами, потребовали отовсюду описи всех богатств, золота, серебра, драгоценностей, произвели осмотр всех приказов (offices) и книг годового дохода; были сменены казначеи, советники и служители во всех судах, так же как и все воеводы (liefftennants), начальники и гарнизоны (garisons) в местах особо опасных. В крепостях, городах и поселках, особо значительных, были посажены верные люди от этой семьи; и таким же образом было сменено окружение царицы — его сестры. Этими мерами он [Борис Годунов] значительно упрочил свою силу и безопасность. Велика была его наблюдательность, которая помогла ему быть прославляемым, почитаемым, уважаемым и грозным для его людей, он поддерживал эти чувства своим умелым поведением, так как был вежлив, приветлив и проявлял любовь как к князьям и боярству, так и к людям всех других сословий.